

Рукопись этой книги была отобрана
для публикации в рамках II сезона
литературного конкурса издательства
«Белая ворона»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Анастасия Разумова

БРУСНИЧНЫЙ ХОЛМ

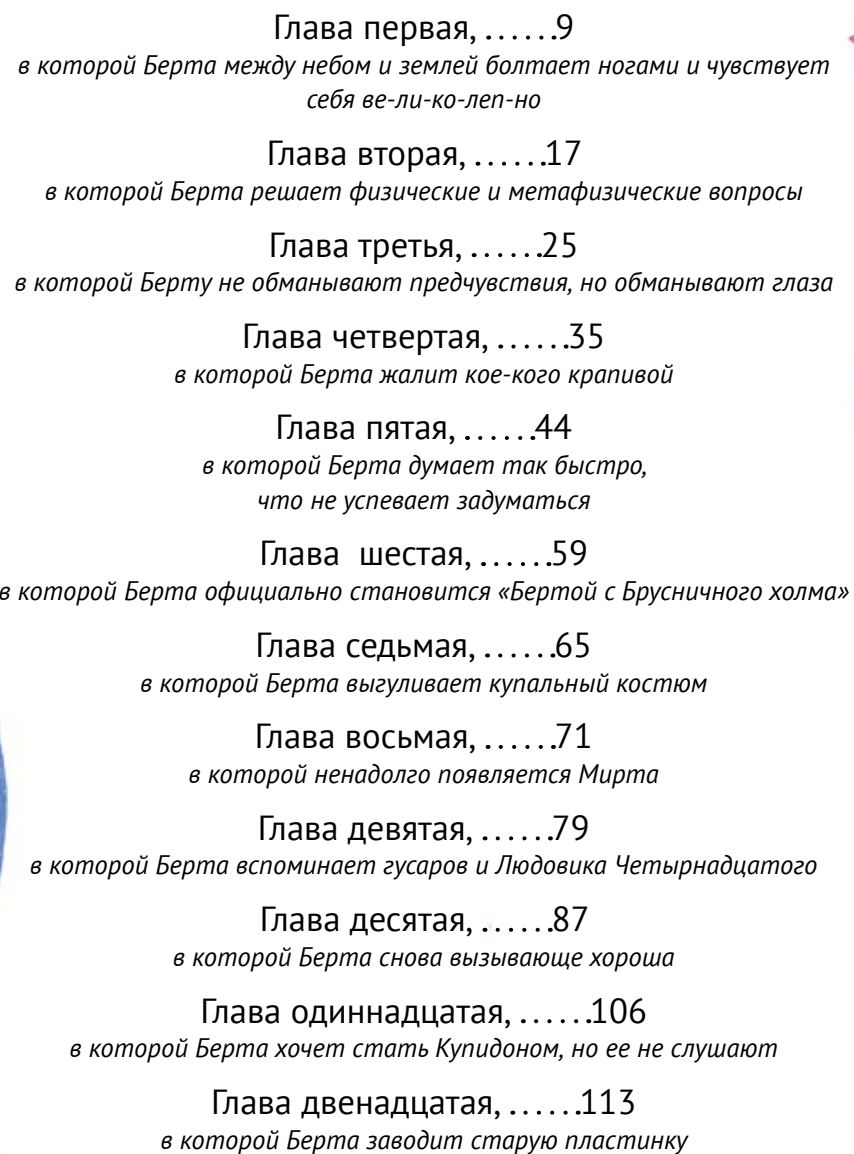
ИЛЛЮСТРАТОР
НИКИТА ТЕРЕШИН

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2023

Содержание

-
- Глава первая,9
в которой Берта между небом и землей болтает ногами и чувствует себя ве-ли-ко-леп-но
- Глава вторая,17
в которой Берта решает физические и метафизические вопросы
- Глава третья,25
в которой Берту не обманывают предчувствия, но обманывают глаза
- Глава четвертая,35
в которой Берта жалит кое-кого крапивой
- Глава пятая,44
в которой Берта думает так быстро, что не успевает задуматься
- Глава шестая,59
в которой Берта официально становится «Бертой с Брусничного холма»
- Глава седьмая,65
в которой Берта выгуливает купальный костюм
- Глава восьмая,71
в которой ненадолго появляется Мирта
- Глава девятая,79
в которой Берта вспоминает гусаров и Людовика Четырнадцатого
- Глава десятая,87
в которой Берта снова вызывающе хороша
- Глава одиннадцатая,106
в которой Берта хочет стать Купидоном, но ее не слушают
- Глава двенадцатая,113
в которой Берта заводит старую пластинку

Глава тринадцатая,119
в которой Берта узнает о пираньях и прочих странных существах

Глава четырнадцатая,126
в которой Берта устраивает осень и баюкает деревья

Глава пятнадцатая,137
в которой Берта приперта к стенке, но кое-кого разоблачает

Глава шестнадцатая,147
*в которой жизнь Берты скучна, как затянувшийся четвертый день
насморка*

Глава семнадцатая,154
такая дли-и-инная, потому что последняя

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Берта между небом и землей болтает ногами и чувствует себя ве-ли-ко-леп-но

Берта появилась на Брусничном холме шестьдесят три года назад: выпала из беличьего дупла и во время падения потеряла хвост – так говорили ей в детстве.

Но она не похожа на белку. Вовсе нет! Всем известно, что белки крутятся внутри колеса, Берта же топала по дороге и катила автомобильную шину перед собой. Дорога пылила. Солнце сияло. Кругом пахло нагретой резиной. Берта маленькая и худая, шина большая, тяжелая – наверное, от джипа. Берта нашла ее в трех километрах от дома, за перелеском, где осенью собирала грибы. Шина скукожилась на обочине и казалась меньше самой себя, как бывает с покинутой вещью. Но вот странность: чем дольше Берта толкала перед собой находку, тем огромнее она становилась, на ходу превращаясь в колесо самосвала.

Берте и в голову не приходило просить кого-то о помощи. Она жила в деревне Брусничный холм дольше всех – шестьдесят три года почти безвыездно, если не считать тот год, когда она летала на самолете и попала в *трагикомическое положение*. За такое долгое время, хочешь не хочешь, узнаешь

каждого соседа. В особняке за высоким забором жил лесничий Штрек с тремя взрослыми сыновьями, охотничьей лайкой и боевой кошкой. Чуть дальше, в доме из красного кирпича – горластая и конопатая семья пасечника, «горлопатая», одним словом. В красивом коттедже за кованой оградой проводили лето художники. В домишке на краю холма жили дог по кличке Чико и его хозяйка – особа неопределенного возраста, суетливая и вертлявая, за что Берта прозвала ее Тетка Лихорадка. Вот и все соседи. Берта их недолюбливала. «Это у нас семейное», – говорила она сестре Мирте.

Мирта наверняка удивится, увидев запыхавшуюся Берту с шиной от карьерного самосвала. «Ты же за баранками ходила», – скажет сестра. А Берта как-нибудь пошутит, только пока не придумала остроумный ответ.

Дорога сделала крюк – коварный, с точки зрения Берты, потому что повернула к детскому оздоровительному лагерю «Мечта». Берта ускорила шаг. За металлической оградой на турниках сидели дети. Они не шевелились, и ее сердце наполнилось надеждой, что это вовсе не дети, а кто-то сушит на турниках одежду. Однако ребята ее заметили. Они главели с любопытством и переговаривались вполголоса. Берте нужно бы поторопиться. Но дело в том, что ей отчего-то тоже стало любопытно, и она чуть-чуть замедлила шаг. Одна девочка – полная, высокая, с нахальным взглядом – окликнула ее:

– Что, бабуся, метла уже не в моде?

Дети засмеялись. У Берты чаще забилось сердце. Она терпеть не могла «Мечту» и называла лагерь «галерами», потому что там, по ее мнению, отбывали наказание маленькие драчуны и лгунишки. Что и говорить, шумное соседство «галер» Берте совсем не по душе!

– У-у! – завопили дети.

Берта не выдержала, остановила шину и показала обидчикам «нос», чем вызвала новый приступ хохота. Один мальчишка, щупленький, лохматый, в клетчатой рубашке, не участвовал в общей потехе, молча стоял у ограды и смотрел на Берту.

Она хмыкнула и пошла дальше, гордо выпрямив спину. Росту в ней было чуть больше метра с половиной, но она поднимала подбородок и держала осанку с таким достоинством, что казалась выше... сантиметров на пять. Так гордая Берта сделала еще несколько гордых шагов. Но тут дорога круто побежала вниз. Шина вырвалась из рук. Буч-буч-буч! Берта вскрикнула и бросилась за строптивым кругляшом, который всю дорогу еле переваливался, а теперь мчался, весело подпрыгивая на кочках. Дети хохотали за спиной Берты так заливисто, что чей-то смех превратился в лай.

Берта догнала и усмирила шину только у самого поворота к дому. Дальше они двинулись бок о бок по тропинке, заросшей одуванчиками. Дом Берты стоял далеко от соседей, в низине, укрытый березами и рябинами. На склоне шина снова принялась вырываться из рук. Так и быть, Берта отпустила ее. Шина спокойно покатила себе к забору, врезалась в калитку и улеглась будто сторожевая собака.

– Вот и лежи тут! – велела ей Берта и пошла в дом.

Первым делом она включила водопроводный кран. Вода шипела и пузырилась. Мирта заждалась, вон как изволновалась.

– Тс-с, – сказала Берта. – Мне сегодня досталось от невоспитанных детей.

Она наклонилась ближе к крану, прислушалась. Вода зажурчала мелодичнее, тише.

– Да, ты не ошиблась, это шина. Я хочу сделать качели, – объявила Берта.

Струйка воды изумленно ударила в раковину, рассыпалась на миллионы брызг.

– Хватит плескаться, Мирта! Ты просто завидуешь, что у меня будут качели! – строго сказала Берта и вытерла лицо. – А теперь уйди и дай мне напиться.

Долго злиться Берта не умела. Она нашла моток веревки и вернулась во двор. Там обвязала шину и потащила за собой в одно тайное место, где росло большое дерево с подходящей крепкой веткой.

– Настырный бычок, – бормотала Берта, подтягивая шину на веревке. – Ну и упрямец! В семи ступах не утолчешь. Гляньте, какой у меня черненький норовистый бычок! – она оборачивалась и с нежностью смотрела на «бычка».

Берта притащила шину на невысокий холм с одинокой березой. Тут она оставила находку на земле и устроилась отдыхать, привалившись к дереву. Пока ее тело пребывало в покое, мысль не дремала. Берта разглядывала крепкую ветку над головой. Рассчитав кое-что в уме, она взяла свободный конец веревки, размахнулась и перекинула его через ветвь.

– Полдела сделано!

Она ухватилась за конец веревки, перекинутый через ветку, и повисла на нем. Берта надеялась, что шина тоже повиснет на веревке с другой стороны. Но упрямый «бычок» продолжал

лежать на земле, как приклеенный. Она прыгала, дергала веревку, угрожала, а «бычок» даже не шелохнулся. Всем своим видом он говорил: куда тебе, женщина, в тебе весу, как в сухофрукте! «Наша Берта такая костлявая, что выйдет замуж, только когда кошки с неба градом посыплутся», – ворчал отец сорок лет назад. Самое удивительное, что за сорок лет вес Берты не изменился, а вот мир, кажется, сошел с ума. Теперь невесты все как одна мечтают стать покостлявее.

– Ах, ты так! – воскликнула Берта то ли «бычку», то ли мимо-летней тени отца.

Она снова побежала домой. Ее встретил тревожный гул водопроводных труб, но не время болтать с Миртой. Берта залезла под кровать, вынырнула оттуда, слегка перепачкавшись завалившейся в угол марципановой конфетой, с двумя гантелями. Мысль, что ей нужно снова нестись по холмам с эдакой тяжестью, повергла ее в уныние – впрочем, краткое. Берта вспомнила о садовой тележке.

Каких-то десять минут – и довольная Берта с тележкой уже у березы. Она ловко привязала гантели к свободному концу веревки, повисла, мысленно придавая телу тяжесть, как на сеансе самогипноза: «Мое тело наливается тяжестью...» «Бычок» нехотя поднялся с земли. Берта не сдержала радостного возгласа:

– Моя взяла!

Теперь с ветки свисали два конца веревки: один – с «бычком», другой – с Бертой и гантелями.

– В правом углу ринга Бычок «Черный Геркулес», в левом – Берта «Львиное сердце», – пропыхтела Берта и в глубинах воображения услышала свист разгоряченных болельщиков, топот, щелканье фотокамер.

«Бычок» побеждал в соревновании тяжеловесов. Берта зажмурилась и прошептала: «Мое тело становится еще тяжелее, как стальная болванка... н-нет, болванка – неважно звучит. Пусть как стальная птица. Да! Мои мышцы наливаются сталью». Она открыла глаза. «Бычок» поднялся чуть выше. Еще выше.

– Гляньте-ка! Неужели сам непобедимый «Черный Геркулес» дрогнул перед малоизвестным начинающим бойцом? Фантастика, друзья!

«Бычок» поднялся еще выше... Ой, слишком высоко! Веревка заскользила в руках Берты, и она вместе с гантелями шлепнулась на землю. По небу пронеслась темная тень. Берта инстинктивно зажмурилась, ожидая падения «бычка» и своей неминуемой смерти. «Черный Геркулес» почему-то не спешил падать. Берта приоткрыла глаза и увидела, что шина едва не перелетела через ветку, однако ее задержал толстый сучок.

– Спасибо, березка, – прошептала Берта. – Если когда-нибудь на тебя нападут короеды, можешь рассчитывать на мою помощь.

Она поднялась на ноги, растерла ушибленное бедро и начала медленно травить концы. Это не очень-то веселое занятие, скорее тяжелое и нудное, поэтому в ее голову впервые

закралась мысль: «Может быть, существует другой, более правильный, способ устройства качелей», — но она тут же эту мысль прогнала. «Вот так погрязнешь в сомнениях, и вся работа насмарку!» — рассудила Берта.

Самая трудная часть работы — обвязать шину на весу свободным концом веревки — оказалась неожиданно простой. Вероятно, потому что Берта напевала любимый флотский марш. Глядя на нее сейчас, можно было подумать, что она выросла у моря и воспитывалась матросами. Но она ни разу не видела ни одного моря из всех имевшихся на Земле (а их, по некоторым данным, чуть ли не сто!). Увы, вся семья Берты была основательно сухопутной, если не считать, что ее матушка маленькой девочкой нагоняла румянец на морском курорте, но это было в начале прошлого века, когда санаторий еще назывался «санатория», а «георгин» — «георгина», и если какой-нибудь растяпа говорил: «Я случайно потоптал георгины у санатории», — его никто не поправлял.

Закрепив качели, Берта продела ноги в колесо и начала раскачиваться. У-ух! Юбка задралась до колен, волосы развевались на ветру, дыхание перехватило. Впервые за день она радовалась тому, что такая маленькая, как ребенок.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой Берта решает физические
и метафизические* вопросы*

Берта поливала цветы в саду и заметила, что меж берез и рябинок за воротами дома мелькает темное пятно. К ней шел гость. Она тяжело вздохнула, поставила лейку на землю, вытерла ладошки о подол и подумала: не спрятаться ли? Но было уже поздно. К ней шел почтальон с улыбкой до ушей. Его светлые волосы по-мальчишески выбивались из-под кепки, однако Берта догадывалась, что почтальон на самом деле не так уж молод. Уже пять лет он говорит, что работает последний год, а потом — на пенсию. Берта вежливо кивает и пожевывает губы. Тогда почтальон, чтобы поразить ее, добавляет: «Выйду на пенсию и уеду к морю!» Сердце Берты стонет, но она ничем не выдает зависти.

— Доброе утро! — закричал почтальон и помахал свертком. — Вам посылочка, дорогая Берта!

Берта прокашлялась. Почтальон отворил калитку и втиснулся во двор, стараясь не запачкать рубашку с погончиками. Что и говорить: двор Берты не располагал к прогулкам и чаепитиям. Здесь громоздились бочки, доски, самодельные метлы

* Здесь: относящиеся к духовной сфере.

(когда-то она собиралась продавать их городским дворникам, но передумала), дрова, старый штурвал с обломанными ручками, гирлянда из компакт-дисков, жестяные банки с червями. В начале лета Берта решила сделать огородное пугало, однако, как всегда, нашлись дела поважнее, и теперь недоделанное пугало с ковшиком на голове, привалившись к забору, преграждало путь к огурцам.

Почтальон вручил Берте посылку, но не спешил уходить. Он хотел поболтать. Он был уверен, что Берта страшно скучает в одиночестве. Все пожилые дамы любили с ним болтать, особенно слушать его рассказы о том, как на пенсии он уедет к морю.

Берта снова прокашлялась и показала на горло. Почтальон недоуменно поднял брови. Берта кашлянула громче и сказала одними губами: «Нет голоса».

— А-а, вы заболели, дорогая Берта, — сообразил почтальон. — Могу ли я чем-то помочь вам?

Берта энергично замотала головой и вытянула руки, пытаясь изобразить расстояние, которое необходимо держать почтальону, чтобы не подхватить инфекцию.

Наконец, он понял, что поболтать не удастся, пожал плечами и развернулся к выходу. Берта вздохнула с облегчением. Тут почтальон попал ногой в мисочку для ежа, покачнулся, вцепился в бочку с золой, та накренилась, и немного золы высыпалось на брюки почтальона. Поднялось серое облачко. У Берты вправду запершило в горле, и она раскашлялась уже без всякого притворства.

Позднее на кухне она чистила штанину почтальона быстро, не поднимая глаз, чтобы этому недотепе не вздумалось снова заговорить с ней.

— Позвольте, я сам, — просил почтальон, но она мотала головой.

Дай ему щетку — устроит еще какую-нибудь каверзу! Выпроводив его, Берта могла наконец разглядеть посылку со всех сторон. Но прежде чем распаковать коробку, задернула занавески.

Из интернет-магазина ей прислали электронный конструктор для любителей физики. «От восьми до девяноста восьми лет», — прочла Берта и с удовлетворением решила: в самый раз! Она раскрыла коробку и присвистнула. Чего там только не было: резисторы, светодиоды, микрофон, провода! До самого вечера Берта собирала схемы и каждый раз не могла сдержать радостного возгласа, когда собранный ею прибор начинал весело подмигивать индикаторами. Настоящее чудо, потому что обычно у нее никогда ничего не получалось с первого раза. «Путь к тенистым терниям лежит через горячие звезды», — любила повторять она.

С помощью ультразвукового дальномера Берта измерила расстояние от стены до стены, от стола до стены, от кровати до стены, от стула посреди комнаты до стены; термометром измерила температуру в погребе, стакане с чаем, собственной подмышке, недавно политой грядке с луком, замороженном пельмене и на солнечной стороне двора, где росли

огурцы; люксметром — уровень освещения на улице, под кустом смородины, в комнате с включенной и выключенной лампой, снова в погребе; шумомером она развлекалась дольше всего: кричала, рычала, шептала, скрипела и пела, просила Мирту что-нибудь рассказать, а птиц во дворе — щebetать громче.

К вечеру у нее голова закружилась от измерений.

— Чересчур много физики, — решила она.

Напоследок Берта собрала электронные часы и поняла, что уже вечер, а она так и не проверила качели.

Берта заспешила в тайное место. По дороге ей встретился хмурый лесничий Штрек, на правом плече у него сидел ворон, из-за левого выглядывал короб с человеческими костями. Когда Штрек подошел ближе, Берта увидела, что над его правым плечом торчит чехол от спиннинга, над левым — походный мешок, а рядом идет белая лайка.

Берта недолюбливала Штрека больше, чем всех соседей. Обычно его лицо выражало легкое любопытство и одновременно брезгливость, будто он очутился в чужом сне и смотрел на происходящее как бы сбоку и сверху, из-под век. Иногда это выражение пропадало, его взгляд становился блестящим, колючим, любопытным. Это означало, что Штрек задумал гнусность.

Правнявшись с лесничим и его лайкой, Берта произнесла всего одно слово:

— Утки.

Лайка склонила голову, ее глаза забежали. Странное дело: так же повел себя лесничий.

— Вчера собака опять растерзала уток, из одной шалости, — припечатала Берта.

Лесничий сдвинул брови, поглядел на лайку. Та уткнулась мордой в землю, прижала уши и хвост. Черные дорожки возле ее глаз заблестели. Штрек щелкнул языком. Собака подняла голову, и Берте стало жаль ее, как было жаль уток на берегу реки. Лайка не виновата, что ее поступками управляет охотничий инстинкт. Лесничий, поначалу казавшийся обеспокоенным, овладел собой, на его лицо снова легло полусонное выражение. Он проговорил как бы в раздумьях:

— На Холме три собаки. Чем докажешь?

У Берты кровь прилила к щекам. Разве она не видела на берегу клочья белой шерсти, перья и пух? Она задрала подбородок и процедила:

— Если собака ведет себя по-звериному, что-то не так с хозяином.

Штрек дернул губой.

— Где факты? — повторил он. — Мало ли что люди болтают. Я лицо служебное, к пустым наговорам привыкший.

Сказав это, он первым тронулся с места. Берта топнула от досады. Штрек бросил через плечо, ни к кому не обращаясь, но так, чтобы она услышала:

— Сыч в юбке, а туда же — воспитывать!

После встречи со Штреком тревога Берты разрасталась. А что, если пронырливый лесничий обнаружил качели и сломал их из одной вредности?

Берта ускорила шаг. Вот поляна одуванчиков, вот заросли шиповника, а вот и кочка с березой. И качели! И... мальчишка на качелях! Берта остановилась резко — будь она машиной, визг тормозов услышали бы даже в деревне. Но она была всего-навсего маленькой, бесшумной Бертой, и мальчишка ее не заметил. «Как же так! — подумала она с досадой. — Это мое место, его нельзя найти случайно, если не знать, где оно!»

Берта притаилась за кустами шиповника. Сощурилась, разглядывая спину чужака. То, что это чужак, она поняла сразу. Горластые дети пасечника были настолько малы, что до сих пор бегали без одежды, а сыновья Штрека — почти мужчины. Кто же это так бессовестно оседлал Бертины качели на Бертиной березе? Клетчатая рубашка и лохматая голова показались ей знакомыми. Ну конечно, это же мальчишка с «галер»! Тот самый, что вчера провожал Берту взглядом из-за забора, пока его дружки осмеивали ее с головы до ног. Прогнать негодника? Тогда завтра он назло приведет дружков, они оборвут веревку, сожгут покрышку, вырежут на березе свои имена. Берта крепко задумалась. Нет, лучше выждать, пока мальчишка уйдет сам.

Он, словно услышав мысли Берты, слез с качелей. Зачем-то погладил шину. Медля, неохотно побрел с холма. Берта перебежала от одного куста к другому, чтобы мальчишка ее не заметил. Он прошел мимо. Берта разглядела его лицо — задумчивое

и немного печальное. Школьник лет десяти или одиннадцати... может, двенадцати. Впрочем, она не разбиралась в детях. Скоро щуплая фигурка исчезла в зарослях. Пару минут Берта прислушивалась – не вернется ли, не нагрянут ли другие обитатели «галер», но ее окружали лишь птицы и цикады. Берта взошла на холм, обернулась. Ах, если бы мальчишка больше ни-когда не нашел это место! Вот бы холм затянули непроходимые колючие заросли да злобные комариные тучи!

Берта подобралась, лицо ее стало серьезным, даже торжественным. Она подняла руки над головой. Береза испуганно зашелестела всеми листьями. Птицы притихли. Берта набрала полную грудь воздуха и на выдохе пропела-провыла:

*– Расти вокруг крапива,
Расти чертополох.
Ах, как же это мило!
Три раза «ах» и «ох»!*

Позже она спускалась с холма и бормотала под нос:
– Ай да умница, Берта! Весь день напролет решала сложные физические и метафизические вопросы!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой Берту не обманывают предчувствия,
но обманывают глаза*

Ранним утром, лежа в кровати, Берта смотрела на пылинки в косом луче солнца и думала о жареной рыбе. Перед ее мысленным взором неспешно проплыло блюдо с карасями, блестящими от масла, затем миска с мелкой речной рыбешкой в кляре, следом – противень с уложенной дугой щукой. Берта облизнулась и отправилась на рыбалку. Во дворе она долго искала банку с червями. Банка нашлась под юбками пугала.

Путь к реке лежал через деревню. Берту сдержанно, как давнюю знакомую, приветствовали все местные собаки, боевая кошка Штрека и сонная жена пасечника. Эта плотная, приземистая женщина внешностью и повадками напоминала каурю лошадку.

– Иго-го, – сказала она, увидев Берту в брезентовых штанах.

– Что? – переспросила Берта.

– Я говорю: вы далеко? – повторила жена пасечника.

Берта хмыкнула. Ну и глупая женщина! Куда можно идти ранним утром с удочкой через плечо? Не в библиотеку же имени Аркадия Гайдара!

Холодная и своенравная река Пужайка огибала Брусничный холм на севере. Когда Берта и Мирта были маленькими, они построили плот и решили понарошку плыть на Северный полюс, чтобы присоединиться к дрейфующей полярной станции. Такие станции, говорила всезнайка Мирта, строят прямо на льдине. Мирта собиралась плыть на полюс одна, но ее старшая сестра напросилась, угрожая, что выдаст затею родителям. Далеко девочки не уплыли. Плот врезался в противоположный берег и развалился от удара. Берта испугалась, что они никогда не вернуться домой, а сестра тихонько рассмеялась, она была рада навсегда остаться на пустом берегу. «Самые лучшие необитаемые острова — в Тихом океане. Там тепло и растет много фруктов, — сказала Мирта. — Но и здесь неплохо. Главное, у нас много пресной воды и куча еловых веток, из которых можно построить шалаш!» Тут Берта представила, что им всю оставшуюся жизнь придется спать в шалаше и пить одну речную воду. Бр-р! Она уже и забыла про Северный полюс. Ведь опасное путешествие через полсвета было понарошку, а разбитый плот и пустой берег — вот они. Берта, хотя и была старшей, малодушно закричала: «Спасите!» — и принялась махать руками. Хорошо, что мимо плыл на лодке отец будущего лесничего Штрека. Он пристал к берегу, посадил двух замерзших девиц в свою посудину. «Охо-хо, каких лягух я сегодня выловил, — повторял он, то и дело заходилась смехом и упирал трясущийся палец в Берту. — А ну, выпучи-ка глазенки да квакни еще разок!» Мирта слушала, слушала, а потом как сиганет в речку — бултых! — и к берегу.

Берта улыбалась и хмурилась, вспоминая детство. Она устроилась на позеленелом валуне над водой, закинула удочку. В первые же двадцать минут поймала двух подлещиков.

«Нет на свете занятия более умиротворяющего, чем рыбалка», — подумала Берта.

«Только не сегодня!» — злорадно подумали комары, если насекомые вообще могли думать.

Они налетели на Берту сплошной пеленой и зазвенели у лица. Еще и лягушки разорались, точно их режут голодные французы. Солнце принялось печь неожиданно рано. Берта ерзала на камне и тяжело вздыхала. По спине стекала струйка пота. Комары зудели все настырнее, все громче. Берта только и успевала отбиваться. Она вспомнила вчерашнего мальчишку. Тревожные мысли докучали сильнее комаров. Какая тут рыбалка? Берта выпустила чахлых подлещиков обратно в реку и сказала:

— Играй сама со своими рыбами, Мирта!

Домой она вернулась не в духе. Ее мучило беспокойство, которому Берта не могла найти явной причины. Она поругалась с Миртой, закрыла кран и повесила на него сверху полотенце, что значило: хоть ты мне и сестра, но я знать тебя не желаю!

Вечером Берта отправилась на качели, полная дурных предчувствий. Она даже не удивилась, издали заметив щуплый силуэт на холме. Мальчишка опять сидел на ее «бычке». Он раскачивался медленно, а потом и вовсе перестал. Берта услышала странные звуки. Узенькие плечи мальчишки вздрагивали.

Он плачет? Берта растерялась. Одно дело — застать на своем тайном месте чужака, совсем другое — обнаружить плачущего ребенка.

Тут ее ужалила крапива, выросшая за ночь, и она охнула. Мальчишка обернулся. Он быстро вытер слезы ладонью, уставился на Берту исподлобья. У него были тонкие, даже симпатичные черты лица, большие синие глаза и нервные губы.

— Как же отвратительно пахнет резиной! Задохнуться можно! — выпалила Берта, желая отпугнуть мальчишку.

Мальчишка прыгнул с качелей и встал перед ней, не отпуская шину. Берта подошла ближе, взялась за «бычка» с другой стороны.

— Я об этих качелях... — начала Берта, но мальчишка перебил ее. — Знаю, это ваши. Я видела, как вы катили колесо.

«Видела?» Неужели это девочка? Берта с озадаченным видом присмотрелась к ребенку. Разве девочки могут быть такими лохматыми и неопрятными? Вон, кармашек на рубашке оторвался, на шортах пятно от травы, ноги — в синяках и царапинах. Берта потянула «бычка» к себе. А девчонка — к себе. — Как тебя зовут? — спросила Берта и снова удивилась: этот вопрос прозвучал помимо ее воли.

— Маруся.

— Надо же, — вырвалось у Берты.

«Точно, девица, — подумала она. — Наверное, влюбилась в какого-нибудь хулигана, вот и плачет. Девиц-то — как песку морского, а хулиганов мало, они нарасхват».

— А вас как зовут? — спросила Маруся вежливо, но шину не отпустила.

— Берта, — ответила Берта и тут же пожалела.

Чего она не хотела, так это знакомств! Особенно с детьми «галер».

— Я из лагеря «Мечта», — сказала девочка.

Ей казалось, что Берта ее не узнаёт.

— Угу, — кивнула Берта.

Она не знала, что делать дальше. Развернуться и уйти? Велеть девочке, чтобы забыла дорогу к тайному месту? Спросить, почему она плакала? Уф-ф, как же трудно с этими детьми!

— Да чтоб эта «Мечта» провалилась! — выпалила Маруся. — Терпеть ее не могу!

Берта посмотрела на девчонку с интересом. Голос Маруси зазвенел, она наконец отпустила шину для того, чтобы сжать кулачки.

— Там девочки при встрече целуются как взрослые, — проговорила Маруся и брезгливо сморщилась. — А есть те, кого они не целуют. Типа презирают... Знаете, что они мне заявили? Что у меня руки волосатые!

Девочка вытянула вперед руки. Берта рассмотрела их. Руки как руки, в детском пушке. То ли дело самая волосатая девушка в мире, которая живет в Таиланде и о которой Берта узнала на канале любимого блогера Даши Две Метелки. Эта девушка (та, что живет в Таиланде, а не Даша Две Метелки) страдает редким синдромом, из-за которого все ее лицо заросло

густыми волосами. Она даже попала в Книгу рекордов Гиннеса. Берта покрутила головой, отгоняя посторонние мысли, и покрепче перехватила «бычка».

— А еще они роются в чужих чемоданах! — продолжала Маруся, спрятав руки. — У одного мальчишки нашли в чемодане клеенку... специальную, в кровать... и заставили на ужин выпить пять стаканов компота, а потом задразнили. Они и сейчас зажимают носы, если он подходит близко. А другому мальчику по фамилии Сухозадов они придумали прозвище...

— Можешь не уточнять, — прервала ее Берта. — Я догадалась.

Девочка ускорила рассказ, словно боясь, что ее собеседница заскучает и уйдет. По этой торопливой доверительной речи Берта догадалась, что Маруся давно ни с кем не разговаривала. — Там заправляет девчонка, которая называет себя выдуман-ным именем Олисса, а сама всего-навсего Алиска. Сегодня я подралась с ней, — призналась Маруся, снизив тон до горячего полупшепота. — А после ужина сбежала с территории, от вожатых попадет... Ну и ладно! Не привыкать! А еще в лагерь не разрешили брать телефоны, потому что тут нет связи, один свежий воздух и подвижные игры. — Девочка скорчила рожицу, явно кого-то передразнивая.

Берта усмехнулась. Ей-то известно: сейчас они с Марусей стоят в тайном месте, где можно поймать сигнал сети. Именно здесь, на кочке, Берта смотрит любимых блогеров.

Скоро в сбивчивом рассказе девочки начали появляться долгие паузы. Берта поняла, что поток обид, которые Маруся

долго держала в себе, иссякает. Вот-вот она замолчит, и Берте нужно будет сказать что-нибудь веское, правильное, дать мудрый совет взрослого человека. От этой мысли засосало под ложечкой. Берта уже открыла рот для того, чтобы произнести совет, но вместо этого вылетел вопрос:

— Что же ты не уедешь?

Девочка погладила покрывало и ответила тихо-тихо:

— А вы не знаете? Забрать ребенка из лагеря могут только взрослые.

Она замолкла с таким видом, что Берта поняла: больше никаких расспросов. Особенно не стоит спрашивать: «Почему же мама и папа не заберут тебя?» Берта пожала плечами. Ей стало неуютно. Она подтянула к себе «бычка», защищая свой спокойный мир, и сказала:

— Ладно, я не против, что ты немного покачалась на моих качелях. Но не говори никому об этом месте и никого сюда не приводи.

Маруся подняла на нее огромные глаза, полные немого укора. Немой укор обычно выглядит как едва сдерживаемые слезы. «Эх, — говорил этот взгляд, — разве вы до сих пор не поняли? У меня нет ни одного близкого человека, которому я могла бы что-то рассказать или куда-то позвать за собой...»

Берта смутилась от этого взгляда и попыталась сгладить впечатление. Она заговорила так участливо, как только могла:

— В общем, не гуляла б ты по лесу одна. Здесь лисы, волки, медведи и все такое, а у тебя еще имя такое сказочное — Машенька.

– Маруся. Мама назвала меня Марусей! – отрезала девочка и уставилась на свои сандалиии.

– Ну, я предостерегла. Это чудо, что ты до сих пор не заблудилась, – сказала Берта и призадумалась: может, улыбнуться девчонке этакой ободряющей улыбкой? А, не стоит. Все равно Маруся не поднимает глаз.

Девочка ничего не ответила. Берта неловко потопталась на месте, подумала: не предложить ли Марусе напоследок покачаться еще немного, раз уж ей так понравился «бычок»? Но Маруся первой вежливо и сухо попрощалась и ушла. Берта отчего-то рассердилась. Она села на качели. Оттолкнулась ногой.

Повсюду гудели луговые шмели. Или это незримые токи? С легким испугом Берта поняла, что это такое шумит вокруг и внутри нее.

– Во мне заводится электричество!

Это плохо изученное наукой явление представляло собой необычайный зуд, который понуждал Берту совершать самые странные поступки в ее жизни. И даже поступки, которые могли пойти ей во вред.

Она вспомнила, как в прошлом году заявила в детский лагерь с огромным навесным замком и положила его на стол директрисы. Директриса была маленькой, ниже Берты. Над столом виднелись только директрисино личико и острая копна светло-каштановых волос, крепко слепленных лаком, точно она зачем-то взгромоздила на голову торт «Муравейник».

– Вот вам, – сказала Берта.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Берта жалит кое-кого крапивой

— Что это? — изумилась директриса, глядя на нечто огромное, ржавое, из книжек о страшных темницах и подвалах.

— Посадите ваших детей под замок! — велела Берта. — Эти безобразники совершенно не умеют себя вести. Они оставляют мусор и ломают ветки в лесу — раз. Напугали бобров у реки — два. А между прочим, это почтенное семейство живет в наших краях уже десять лет!

— Чье семейство?

— Бобров, разумеется! И еще они постоянно шумят — три!

— Кто? Бобры?

— Дети! — сказала Берта и так посмотрела на директрису, что та покраснела до корней волос и начала обмахиваться газетой.

Да, в прошлом году Берта сумела приструнить весь лагерь. Самой приятно вспомнить! Неужели этим летом ей снова выходить на тропу войны?

Она встала с качелей, полная решимости. И неожиданно подумала: надо же, дразнить человека за волосы на руках!..

— Что такое? Я жалею безобразника с «галер»? — удивилась Берта. — Но это же не мое дело!

Вдруг качели и вся секретность, которую она возвела вокруг, показались ей глупой выдумкой. За что она так переживала? За старую крышку и веревку? Ей расхотелось слушать любимых блогеров Дашу Две Метелки, Шарманкуса и Обаленского.

Что за день такой — все идет наперекосяк, начиная с жареной рыбы! Берта вздохнула и отправилась домой.

Берта разглядывала в зеркале облупленный нос. Верная примета: загорел на солнце нос — пришла пора собирать землянику. Она открыла кран и предупредила Мирту:

— Я с тобой помирилась.

Мирта молчала.

— Раз со мной тут никто не разговаривает, я пошла собирать землянику, — решила Берта.

Стоял солнечный день. Берта бодро шла по лесу к секретной земляничной поляне. Она даже принялась напевать под нос, как вдруг услышала голоса. Она прошла еще немного вперед, и смех, вопли, оклики стали громче. Какой же нормальный человек будет так возмутительно вести себя в лесу? Лес требует уважения. Берта прорычала от досады. Она догадалась, кого увидит за елками и соснами. Разумеется, безобразников с «галер»!

Они устроили привал на лесной поляне: побросали рюкзаки, расстелили на земле непромокаемую скатерть. Ветер гонял по траве смятый пластиковый стаканчик, обрывок газеты, фантик от шоколадки. Кто-то неумело тренькал на гитаре. Кто-то вырезал на сосне корявые буквы. Высокая

девушка в очках — очевидно, вожатая — говорила и размахивала руками, но ее никто не слушал. Берта заскрипела зубами, подглядывая из-за кустов. На краю поляны она заметила недавнюю знакомую. Маруся сидела в одиночестве.

Берта сделала несколько шажков в сторону и насторожилась, услышав близкий разговор. У зарослей дикой малины что-то затевалось. Берта палочкой раздвинула листья. Она увидела склонивших головы друг к другу ребят. Полная девочка держала в руках небольшой предмет и шепотом давала указания: — Мила, ты ее отвлекай, а ты, Тим, прячь это в ее рюкзак. А я подниму тревогу. Все понятно?

Заговорщики покивали.

— Ух, какие нескучные каникулы я ей устрою! — пообещала Олисса, ведь это была именно она.

Берта бесшумно передвигалась вокруг поляны, следя за каждым шагом операции. Операция оказалась такой банальной, что Берте стало скучно и тускло на душе, и она легла на землю. Как много всего можно увидеть лежа на земле: расщепленные клестами шишки, трухлявую жердь, мягкие побеги на елях, словно деревья обмакнули ветви в молочные сумерки. Воздух внизу тягелее, и Берта почти заснула, когда поляну потряс вопль:

— У меня кошелек пропал!

Берта стряхнула оцепенение и вернулась на свой наблюдательный пункт. Поляна загудела. Мальчика, вопившего о пропаже, окружили со всех сторон.

— Что было в кошельке? — допытывалась вожатая.

«Хоть бы портрет любимой кошечки и клочок ее шерсти!» — загадала Берта.

— Все мои деньги! — почти рыдал мальчишка и тряс рюкзак.

— Зачем же ты взял в поход кошелек? — всплеснула руками вожатая.

— Я всегда ношу его с собой! Мне так мама велела, — ответил мальчишка.

— А я кое-что видела! — протянула Олисса, и все замолчали.

Олисса медленно заправила прядь волос за ухо. «Театральничает», — подумала Берта.

— Вот она крутилась возле твоего рюкзака, — сказала Олисса и указала пальцем на Марусю.

Маруся встрепенулась, оглядела всех со смесью испуга и недоумения на лице.

— Что? Я даже не... Нет! Меня Мила попросила достать салфетки из ее сумки, потому что она испачкалась смолой! Скажи, Мила?

— Н-ну да, — неуверенно отозвалась светловолосая девочка в спортивном костюме.

— Давайте воздержимся от обвинений, ребята! — сказала вожатая. — Кошелек мог выпасть по дороге и...

— Вы мне не верите? — спросила Олисса негромко и зловеще.

Все снова замолчали. «Актриса!» — подумала Берта.

— Где лежала твоя сумка, Мила? — осведомилась Олисса.

Девочка показала пальцем на гору сброшенных сумок и рюкзаков. Олисса повернулась к пострадавшему:

— А твой рюкзак, Ромик?

Мальчик сглотнул и ответил:

– Там же.

– Я видела, как она сначала открыла сумку Милы, потом оглянулась и полезла в рюкзак Ромика. Я не придавала значения, ведь мы все друг другу доверяем...

– Врешь! – с этим криком Маруся перелетела через поляну, чтобы вцепиться в Олисса и выцарапать ей глаза.

Но ее перехватили мальчишки, оттеснили к деревьям. Теперь уже все приспешники ОлиССы наперебой кричали, что видели, как Маруся украла кошелек.

– Общем ее! – громче всех вопила Олисса.

Вожатая безуспешно призывала детей к порядку. Они требовали расправы. Тогда вожатая подступила к Марусе и сказала подчеркнуто любезно:

– Ты видишь, что творится. Давай разубедим народ, покажи, пожалуйста, карманы... э-э, Маша, кажется?

«Это не вожатая, – подумала Берта, – это слон в посудной лавке».

У Маруси побелели губы, но она подчинилась и вывернула карманы шортиков. Кто-то из девочек подскочил к ней и охлопал по бокам, совсем как в криминальном фильме. Раздались редкие смешки. Маруся не сопротивлялась.

– Ничего! – сказали ребята.

– А ее рюкзак? – напомнила Олисса и снова поправила волосы.

Маруся взяла рюкзак и с ненавистью вытряхнула его. В траву полетели бутерброды, яблоко, пустая бутылка из-под воды, средство от комаров и косынка с эмблемой лагеря.

– Карманы на рюкзаке расстегни! – потребовала Олисса.

– Сама расстегни! – сказала Маруся.

– Вот он! – закричал Ромик.

Ребята обернулись на его крик. Ромик зачем-то вцепился в необъятный зад ОлиССы обеими руками, должно быть, решил потанцевать с ней бразильский танец ламбаду.

– Да ты что, взбесился? Пусти меня! – закричала она.

Но теперь все видели то, что первым заметил Ромик, – кошелек торчал из заднего кармана джинсов ОлиССы. Наступила тишина. Вожатая нервно сглотнула. Тут Олисса, красная от ярости, кинулась на Марусю с криком:

– Это ты! Ты подкинула!

Берта одарила саму себя короткими аплодисментами за только что разыгранный фокус с перемещением предметов, но ее, конечно, никто не услышал. Уж она-то умела оставаться незаметной! Над ней закачалась ветка. На ель грузно села большая сова и с интересом поглядела вниз. Берта шепотом попросила:

– Припугни-ка их, совушка. Особенно ту, кустодиевскую девушку.

Сова понимающе подмигнула желтым глазом, точно Кустодиев* был ее любимым художником, сорвалась с ветки, вылетела на поляну с жутким уханьем. Она низко пронеслась над ОлиССой и выдрала пучок ее волос. Олисса завизжала.

* Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927) – русский художник. Он часто изображал на своих картинах пышных и румяных женщин.

Ребята зашумели и запрыгали, точь-в-точь брызги масла на сковородке.

В этот драматический момент Берта выступила из-за деревьев. Заметив ее, ребята в замешательстве застыли на местах. Маруся растерянно хлопала глазами. Подбородок девочки все еще дрожал. Берта подошла к ней и велела собрать рюкзак. Маруся в полном молчании подчинилась.

— А вы кто? — очнулась вожатая.

Берта, как всегда, не ответила на глупый вопрос. Ну что тут скажешь? Кто я? Очевидно, не императорский пингвин. Вместо объяснений она дала совет вожатой:

— Вам не помешало бы посмотреть видеоканал Даши Две Метелки, особенно ролик про предотвращение школьного буллинга... боулинга... уф-ф, найдите сами!

— Буллинга! — радостно подсказал Ромик.

— Ты прав, растяпа, — кивнула Берта.

Она решительно взяла Марусю за плечо:

— Пойдем-ка, — затем посмотрела на ребят и сказала строго:

— А вы не забудьте убрать за собой мусор, иначе придет медведь и всех вас слопают!

— Вы кто? — снова спросила вожатая.

— Да это моя бабушка! — выкрикнула Маруся. — Что, не видите? Бабушка меня забирает!

Берта остолбенела. Маруся доверчиво заглядывала ей в лицо.

— Вы не имеете права... я не имею права... Куда вы ее ведете? — заволновалась вожатая, поправляя очки на переносице.

— Ясно, что не в государственную филармонию. Мы идем к вашей директрисе, — сказала Берта.

— У нас директор! — сказала вожатая и сняла очки.

— А куда делась... Впрочем, мне нет дела. Директор так директор.

Она быстро зашагала по лесу, Маруся с трудом за ней поспевала. Берта видела, что девочка хочет спросить о чем-то, но не решается: а вдруг необыкновенная старушка передумает и вернет ее на поляну?

— Зачем ты соврала, что я твоя бабушка? — сердито спросила Берта.

— Не знаю, — призналась Маруся. — Сгоряча, наверное.

Берта остановилась и посмотрела девочке в глаза.

— Никогда не называй меня б-бабушкой, — произнесла она. — Терпеть не могу.

Они пошли дальше.

— А куда мы идем? Правда в лагерь, к директору? — спросила Маруся, когда они вышли из леса.

— Несомненно, — ответила Берта.

Маруся скисла. Она молча сделала несколько шагов и остановилась. Берта тоже замедлила шаг, оглянулась на девочку. Маруся насупилась.

— Идем, — сказала Берта.

Маруся не тронулась с места.

— Я все равно буду драться и убегать! — заявила девчонка.

В глазах Берты сверкнули зеленые искры. В ней просыпалось электричество.

— С места не сдвинусь! — пообещала Маруся и сжала кулаки. — Пусть меня съест медведь. Лучше так, чем с этими до конца лета!

— До конца лета? — Берта чуть не присвистнула. — Это же еще два с половиной месяца!

Девочка кивнула. Она даже побледнела от решимости погибнуть в лесу. Тогда Берта не менее решительно велела:

— Дай-ка мне твою косынку.

Девочка удивилась, но достала из рюкзака косынку с эмблемой лагеря. Берта обмотала руку тканью, сорвала пучок крапивы и призвала Марусю немножко потерпеть.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Берта думает так быстро,
что не успевает задуматься*

Светло-розовое здание с четырьмя колоннами когда-то принадлежало колбасному заводу. Берта помнила старую шутку отца, которую нельзя было выносить из дома: о том, что четыре колонны символизируют лень, чревоугодие, хитрость и глупость колбасных начальников. «Что такое чревоугодие?» — спросила маленькая Берта, остальные-то слова ей были известны из длинных домашних нотаций. «Кому-кому, а не тебе об этом спрашивать! — строго ответил отец. — Кто вчера съел все варенье?»

Завод давным-давно закрылся, здание стояло пустым, пока пару лет назад его не занял детский лагерь «Мечта».

Из кабинета директора пахло колбасой. Берта никак не могла понять: остался ли неистребимый запах от завода, или директор только что пообедал.

Он поднял голову необычной грушевидной формы. «Наверное, раньше был военным, и ему сдавило череп каской», — с уважением подумала Берта и сказала:

— Здгавствуйте.